

толины Солнцевой получило отрицательную оценку группы зрителей? Ведь они-то знали, что для Зориной, приглашенной в театр всего четыре месяца назад, это было первое ее представление пензенскому зрителю, что если актер, как говорит Станиславский, вообще «творит в условиях повышенной нервнойности», то первую роль в новом, не знакомом ему театре он творит в условиях особенно повышенной нервнойности.

Я не видел премьеры «Рассвета над Москвой», но по рассказам легко представить себе, чем были недовольны зрители. Видимо, Зорина чрезмерно подчеркнула внешнюю грубость, своеволие, упрямство Капитолины (в чем вместе с нею должен нести известную долю вины и автор пьесы А. Суров), не выдвинув на первый план внутреннюю сущность своей героини: глубокую преданность партии и народу, честность, кипучую страстность натуры, твердый характер. После премьеры Зорина кипулась в противоположную крайность — играла какого-то «ангела во плоти», так что вообще стало непонятно, для чего написана и поставлена пьеса. Я видел десятый по счету спектакль, в котором Зорина, по словам некоторых актеров, нашла нужную середину между двумя полюсами. Играла она в хорошей профессиональной манере, но холодно, «без огонька». Видимо, достигнув в трактовке роли двух крайних полюсов, нелегко, да и не хочется просто, говоря по-человечески, найти себя заново в этой роли. Зорина рассказывала мне о премьере: «За много лет работы в театре никогда еще не встречала я такой бурной реакции зала, никогда так громко и долго не аплодировали зрители, как в сцене, когда меня ругали Агриппина Семеновна и Степаиян».

Нет, на десятом спектакле ничего подобного не было. Все было очень благопристойно, но скучно и невыразительно. Спокойно вели себя актеры, спокоен был и зритель.

Повторяю, я не могу судить, насколько велика была ошибка Зориной в трактовке роли Капитолины в первом спектакле. Нас здесь интересует другое: истоки этой ошибки. Может быть, актриса самовольничала и делала то, что ей нравится, а совсем не то, чему наставлял и учил ее на репетициях режиссер?

Спрашиваю об этом постановщика спектакля Н. И. Верминского. «Нет, этого прямо сказать нельзя, — нерешительно говорит он. — Может быть, отдельные детали...» Но «отдельные детали» не создают еще настолько недостоверный образ, чтобы он вызывал резкие возражения зрителей, — это ясно, конечно, и самому Верминскому. В чем же дело?

Не берусь утверждать категорически, но думаю, что срыв произошел из-за того, что спектакль «Рассвет над Москвой» не явился плодом коллективного творчества в том значении этого понятия, какое придает ему Станиславский: «Коллективное искусство создается только в атмосфере содружества и взаимной помощи». Видимо, Зориной не было оказано этой помощи, видимо, она не ощущала на репетициях согревающей и вдохновляющей актера атмосферы содружества, а товарищи ее по работе над спектаклем не поняли, что, проявляя равнодушие к Зориной (которое само по себе недопустимо), они тем самым проявляют равнодушие к спектаклю в целом, к коллективу, к театру.

Уже спустя две недели после отъезда из Пензы я получил письмо от одного из местных актеров. Я бы, конечно, никогда не стал его цитировать, но оно, во-первых, не носит частного характера, а во-вторых, касается дальнейшей судьбы Зориной. Товарищ писал о том, как прошел спектакль «Семья», в котором Зорина впервые (в очередь с заслуженной артисткой РСФСР Н. Воеводиной) исполняла роль Марии Александровны Ульяновой: «Зорина, по-моему, играла хорошо, мягко, четко, но несколько рыхловато внутренне. Правда, много волновалась,